

запозичуються в інші варіанти англійської мови. Саме цей процес означає процес адаптації неологізмів у лексико-семантичній системі. Найбільш поширеними неологізмами є американізми, запозичені в даний час в британський варіант, наприклад: *diet cop* – чоловік, який стежить за вагою іншого, *sprave* – витратити гроші під виглядом їх зберігання (від *spend+save*). Велика кількість американізмів надійшла в канадський варіант англійської мови, який вважається більш «американізованим», ніж «бритизованим» [5, с. 79].

Формування австралійського варіанта відбувалося на основі діалектів поселенців під впливом американського варіанта, наприклад: *himbo* – красень, *rescrimator* – особа, яка звинувачує позивача. Канадський і австралійський варіанти, які вважалися «маргінальними», починають впливати на «класичні» національні варіанти англійської мови. Так, наприклад, починають уживатися такі слова: *menglish* – мова, яка вживається людиною, до людини, про людину; *scuppie (socially conscious upwardly-mobile person)* – людина, яка прагне до достатку і благополуччя всіма можливими шляхами.

Отже, процес розвитку і збагачення словникового складу англійської мови здійснювався шляхом поповнення її зовнішніми та внутрішніми запозиченнями. Зовнішніми запозиченнями є лексичні одиниці, що надійшли в англійську мову з інших мов, внутрішні запозичення з'явилися завдяки взаємодії її національних варіантів і лексичних підсистем. Саме внутрішні запозичення відіграють ключову роль у розвитку англійського вокабуляру нині. До перспектив подальших досліджень відносимо вивчення особливостей асиміляції запозиченої лексики англійської мови.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Аракин В. Д. История английского языка / В. Д. Аракин. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 272 с.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1973. – 303 с.
3. Зацний Ю. А. «Внутрішні» запозичення сучасної англійської мови / Ю. А. Зацний // Вісник СумДУ. – № 11 (95). – 2006. – Т. 1. – С. 23–29.
4. Зацний Ю. А. Розвиток словникового складу сучасної англійської мови: Монографія / Ю. А. Зацний. – Запоріжжя : ЗДУ, 1998. – 431 с.
5. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Г. Д. Томахин. – М. : Высшая школа, 1988. – 239 с.
6. Berndt R. A. History of the English Language / R. Berndt. – Leipzig : Verlag Encyclopadie, 1982. – 447 p.
7. Crystal D. The English language / D. Crystal. – L. : Penguin Books, 1990. – 288 p.
8. Galinsky H. Stylistic Aspects of Linguistic Borrowings: A Stylistic and Comparative View of American Elements in Modern German, and British English / H. Galinsky // Jahrbuch für Amerikastudien. – 1963. – Bd. 8. – P. 98–135.
9. González F. R. (Ed.). Spanish Loanwords in the English Language: A Tendency towards Hegemony Reversal / F. R. González (Ed.). – Berlin : Mouton de Gruyter, 1996. – 307 p.
10. Stenton F. Anglo-Saxon England / F. Stenton. – O. : Clarendon Press, 1962. – 747 p.
11. Strang B. A History of English / B. Strang. – L. : Methuen, 1974. – 453 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Василь Бялик – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри комунікативної лінгвістики та перекладу Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича.

Наукові інтереси: лексикологія, лексична семантика, неологія, теорія перекладу, когнітивна лінгвістика.

Олена Немус – студентка, магістр кафедри комунікативної лінгвістики та перекладу Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича.

Наукові інтереси: лексикологія, історія англійської мови.

УДК 81'373.6-81'373.2

ХОРВ. КОРАНА И ДР.-РУС. КОРАНА, КАРАНА: ГЕНЕЗИС И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ АРЕАЛ

Александр ИЛИАДИ (Кропивницкий, Украина)

Статья ставит целью этимологический анализ нескольких структурно тождественных гидронимов, которые локализируются в двух частях славянского языкового пространства: имеются в виду хорв. Корана (река в бассейне Купы) и др.-рус. Корана, Карана (река в бассейне Днепра). Существующие в науке точки зрения об их этимологии не имеют опоры в апеллятивной лексике, которая помогает привязать топоним к словарю определенного языка и проясняет ономастологию названных гидронимов. Именно по этой причине достаточно вероятная славянская этимология анализируемых лексем остается гипотезой, чья верификация напрямую зависит от введения в научный оборот ранее неизвестных данных славянского апеллятивного вокабулярия.

Мы предлагаем новое объяснение этих речных названий, а именно – как иранских лексем, пришедших из словаря сармато-аланского населения Подунавья (р-н Паннонии) и Поднепровья, т. е. оба гидронима консервируют древние иранские формы, близкие к авест. *karana-* 'конец', 'граница, край, берег, сторона', осет. *kaeron* 'конец, край, предел' и др., восходящим к праиранскому **karana-*. Появление соответствующей восточноиранской формы в ареале днепровской (бассейн Трубежа) и дунайской (бассейн Купы) гидронимии напрямую связано с продвижением сарматских племен из междуречья Волги и Дона сначала в Поднепровье, а оттуда – в Подунавье. Таким образом, вопрос о примарности/секундарности двух ареалов решается в пользу приднепровского как изначального, тогда как паннонский оказывается переселенческим.

Ключевые слова: этимология, дериват, славянский, иранский, лексема, рефлекс, гидроним.

Стаття має на меті этимологічний аналіз кількох структурно тотожних гідронімів, які локалізуються у двох частинах слов'янського мовного простору: мають на увазі хорв. Корана (річка у басейні Купи) і др.-рус. Корана, Карана (річка у басейні Дніпра). Погляди щодо їхньої етимології, які існують у науці, не мають опор у апелативній лексиці, що допомагає прив'язати топонім до словника певної мови та прояснює ономастологію наведених гідронімів. Саме з цієї причини досить імовірна слов'янська етимологія проаналізованих лексем лишається гіпотезою, чия верифікація цілком залежить від уведення до наукового обігу раніше невідомих свідчень слов'янського апелативного вокабулярія.

Ми пропонуємо нове пояснення цих річкових назв, а саме – як іранських лексем, які прийшли зі словника сармато-аланського населення Подунав'я (р-н Паннонії) і Наддніпрянщини, тобто обидва гідроніми консервують давні іранські форми, близькі до авест. *karana-* 'кінець', 'межа, край, берег, сторона', осет. *kaeron* 'кінець, край, межа' та ін., які сягають праіранського **karana-*. Поява відповідної східноіранської форми в ареалі дніпровської (басейн Трубежу) і дунайської (басейн Купи) гідронімії цілковито пов'язана з просуванням сарматських племен з междуріччя Волги й Дону спочатку в Наддніпрянщину, а звідти – у Подунав'я. Таким чином, питання про примарність/секундарність двох ареалів вирішується на користь наддніпрянського як первісного, тоді як паннонський виявляється переселенським.

Ключові слова: етимологія, дериват, слов'янський, іранський, лексема, рефлекс, гідронім

The paper deals with the etymological analysis of some structurally identical hydronyms which are attested in two parts of Slavonic lingual areal: Croatian Корана (a confluent of the Kupa river; Koranna, 1224, Corana, Corona 1292, derivative Coranicza, 1224) and Old-Russian Корана, Карана (a confluent of the Dnieper river) are implied. Suggested earlier etymological versions are not supported with appellative lexicon, which would help us relate mentioned toponyms to the vocabulary of the certain language and clarify the meaning of onomasiology of these hydronyms. It is the reason of what the possible Slavonic etymology of analyzed words is still just a hypothesis. Its verification directly depends on the enter in the scientific circulation of earlier unknown facts of Slavonic appellative vocabulary.

We suggest a new explanation of these river names – namely as Iranian lexemes, belonging to the vocabulary of Sarmatian-Alan population of Dunay (Pannonia) and Dnieper rivers coast. It means that both hydronyms save the ancient Iranian forms etymologically identical to Avestian *karana-* 'end', 'frontier', 'edge', 'border', 'side', 'coast, bank', Ossetian *kaeron* 'end', 'edge', 'border' and so on, going back to the Proto-Iranian **karana-*. Appearance of the appropriate East-Iranian form in the areal of the Dnieper (a confluent of the Trubezh river) and Dunaj (a confluent of the Kupa river) river flow is directly connected to the migration of Sarmatian tribes from the interfluvium of the Volga and the Don first to the Dnieper river banks and then to Pannonia. Thus the issue of two areals primary/secondary can be solved in favour of the Dnieper river territory as the point of Sarmatian migration departure and consequently Pannonia is the resettlement areal.

Key words: etymology, derivative, Slavonic, Iranian, lexeme, reflex, hydronym.

Паннония как объект историко-археологического исследования – территория, во многом уникальная хотя бы потому, что была заселена с очень древнего времени, и традиция ее культурного освоения, насколько позволяют судить данные специальных исследований, никогда не прерывалась. Происходившая на протяжении многих веков смена населявших ее этносов оставила после себя многочисленные следы не только в виде целого ряда археологических культур, отождествляемых с иллирияязычными племенами, германцами, кельтами, иранцами, славянами, но также в виде многочисленных географических названий – живых свидетелей этнической истории региона (сложная языковая ситуация в Паннонии с древнейшей эпохи до конца периода Великого переселения народов глубоко исследована и

подробно изложена в: [14]). Многие из них фиксируются в документах с достаточно старого времени, что позволяет проследить эту историю с позиций лингвистики: название, данное одним народом, изменялось в речи других, пришедших сюда позднее, и по характеру фонетической и грамматической адаптации топонима часто можно определить языковую принадлежность пришельцев, как, например, в случае с адаптацией венграми славянской или сармато-аланской топонимии.

С другой стороны, не всегда нужно говорить о преемственности языковой традиции, имея в виду независимое (без взаимного освоения) существование топонимов, принадлежащих словарю разных народов, но относящихся к одному хронологическому слою. К такому слою относятся географические названия, возникшие в речи местного славянского населения Паннонии и вторгшихся сюда в I в. до н. э. – I в. н. э. сарматов. Особую проблему для лингвиста, занимающегося ономастическими древностями этого ареала, представляют случаи генетической неоднозначности того или иного топонима, когда он равным образом может быть объяснен как на славянской, так и на иранской (сарматской) почве. Ее решение побуждает изыскивать дополнительные аргументы для того, чтобы склонить чашу весов в пользу какого-то одного из объяснений или хотя бы выделить его как более аргументированное. На одном из таких случаев нам бы хотелось остановиться подробно. Речь идет о гидрониме *Korana/Kорана*, попытки толкования которого в известной нам профильной литературе представлены несколькими этимологическими версиями.

Итак, названия паннонских рек, известные из письменных источников как хорв. *Korana, Kòrana* – правый приток Купы [10, с. 6; 11, с. 702], *Korana* – приток Козяка, Купы (бассейн Савы) и фигурирующие в памятниках в виде *Koranna*, 1224 г., *Corana, Corona* 1292 г., (произв.) *Coranicza*, 1224 г., неоднократно оказывались в центре внимания исследователей архаичной европейской гидронимии. Здесь нет необходимости в подробном изложении всех имеющихся сегодня попыток интерпретации интересующих нас лексем, потому приведем только наиболее, как нам кажется, аргументированные и сформулированные в одном ключе (детально об этимологии указанных форм см. в: [18, с. 184–185; 19, с. 277; 6, с. 209–210]).

Согласно первой, эти названия сохраняют старое производное с формантом *-ānā* от и.-е. **(s)ker-* ‘вертеть, поворачивать, сгибать’ ~ авест. *skarəna-* ‘круглый’, гр. κορώνη ‘любой изгиб, неровность’. Правда, при этом привязка к языку конкретного этноса не делается [19, с. 277], что можно понимать как учет наддиалектного характера реликтовой индоевропейской гидронимии, о чем неоднократно писал академик О. Н. Трубачев.

Согласно второй, сохраненную в них форму **korana* допустимо считать исконным элементом славянского словаря, где она была либо индоевропейским наследием **kor-ānā*, **kor-ōn-*, либо инновацией – дериватом с суфф. *-an-* от все того же корня **kor-* с широким набором значений ‘гнуть, сгибать; рубить, резать’ [6, с. 210]. Славянский генезис названия как будто подтверждается аналогами с восточнославянской территории, ср. др.-рус. Корана, 1139 г. – урочище (по другим сведениям – река) в Переяславской земле, по которому князь Андрей гнал полки Святослава (брат князя Всеволода), разбитые под Переяславлем (эпизод о княжении в Киеве Всеволода Олговича), ср. «до Коранh» [9 (1: 308)], «до Коряня» [13, с. 226], «до Каранh» [3, с. 32], укр. *Корань* (*Карань, Карáнь, Каронь, Курань, Кираhь*) – река, приток Трубежа [23 (2: 265)]. Отсутствие этой лексемы в славянском апеллативном словаре указывает на древность зависимого от неё гидронима. Возможно, её следы находим также и в *Korana, Koran* – антропонимы [21, с. 70], пол. *Koranziv* – гидроним [22, с. 146].

Потенциально такое слово могло существовать в славянском, т. к. его форма целиком укладывается в рамки структуры праславянского слова, о чем говорит ряд архаичных производных от **kor-* и большое количество славянских образований с суффиксом *-an-* с широким спектром словообразовательных значений. Его былое наличие в славянском этимологическом гнезде с основой **(s)ker-* можно предсказать, основываясь на логике морфологии славянского слова, принципах организации славянских генетических гнезд с корнями на плавный сонант и частотности дериватов с *-an-*. Однако до введения в научный оборот реально зафиксированных апеллативов **коран(a)*, **корон(a)* для обозначения изогнутости, кривизны, кромки (результат развития семантики □резать□), которые можно

было бы убедительно истолковать как дериваты от **kor-*, существование **korana* остается гипотетическим. Особенно, если формально близкая апеллативная и проприальная лексика отмечается в иранских языках, чьи контакты со славянскими – это историческая реальность. И с ней согласуется то, что вся упомянутая топонимия локализуется как раз в ареалах славяно-иранского взаимодействия – в Подунавье и Поднепровье.

Важно также, что топонимические ареалы с основой **Koran-* частично совпадают с ареалами сарматской археологии: среди шести групп савромато-сарматских памятников (могильников), разграниченных крупными водными артериями, есть две большие группы захоронений, территория которых очерчивается междуречьем Дуная и Днепра [1, с. 144]. Об этом говорят и данные истории: различные области Паннонии заселялись сарматскими племенами постепенно: первыми были языги, осевшие в Нижней Паннонии еще I в. н. э., остальные сарматы распространялись по сопредельным территориям военным путем вплоть до IV в. Число сарматов было настолько велико, что их земля за паннонским лимесом именовалась *terra Sarmatica* [8, с. 229, 234, 235].

Иранская этимология перечисленных лексем зиждется на возможности отражения в них иранского апеллатива типа **karana-*, ср. такие его рефлексы: авест. п. *karana-* ‘конец’, ‘граница, край, берег, сторона’, ср.-перс. *karān-* ‘сторона, край, берег’, кл. перс. *karān-* ‘граница, край, берег, рубеж’, осет. *kæron* ‘конец, край, предел’ и под. [16 (4: 286–289)]. В самом ареале иранской речи этот географический термин не столь уж часто становился топонимом, зато все известные случаи его топонимизации имеют глубокий возраст, свидетельствуя о древности языковой традиции в местах, где они отмечены. Ср. *Карани*, *Карань* – ойконим в Крыму < сарм.-алан. **karanī* ‘крайняя’ [15, с. 327], а также на территории древней Армении мид. **Payt(a)-karan-/Fayt(a)-karan-*, **Lan(a)-karan-* ~ др.-мид. **karan-* ‘берег, граница, край, область’ и самоназваниями каспских племен в первой части [12, с. 55–56]. В сущности, днепровский, паннонский и крымский ареалы топонимов с сарм.-алан. **karan* – это звенья одной цепи, показывающей исходный ареал (Поднепровье) и вектор распространения лексемы (Подунавье и Крым).

Таким образом, велика вероятность усвоения топонимов славянами из иранской речи. Развитие иран. **karanā-* (точнее – какого-то из его рефлексов) в **korana* на славянской почве прошло стадию **korona* (ср. вариант *Corona*) с диссимиляцией *o – o > o – a* или как результат влияния слав. производных с формантом *-ana*. Семантика формально соотносительных с гидронимами иранских апеллативов достаточно четко характеризует роль реки как естественной границы, отделявшей край, владения сарматов от земель других народов пестрой в этническом отношении Паннонии или территории Поднепровья.

При допущении этимологического и структурного тождества паннонского названия (может быть, сюда же и хорв. ойконим *Korana* [20, с. 233]) и зафиксированных на территории современной Украины топонимов (см. выше) напрашивается вывод, что восточнославянские варианты либо перенесены из Паннонии в ходе расселения славян, либо воспроизводят реликты речи живших тут скифов и сарматов, словарь которых также мог содержать аналогичные лексемы (праиран. **karanīa-* > сев.-вост. **karanīya-*). Второе более вероятно: очередной этап освоения сарматами восточноевропейских степей на рубеже эр осуществлялся путем продвижения их племен от Днепра к Дунаю (I в. до н. э. – I в. н. э.) [7, с. 38], а потому, «оставив» свою гидронимию в бассейне Днепра, они частично воспроизвели ее, придя в Подунавье.

Мнение о том, что в вариантах *Карань*, *Корань* обязательно отражена тюркская форма *Каран* (~ башкир. *qaran* ‘речка, родник’, в итоге выводимое из иран. слова типа перс. *karane* ‘берег, побережье’, ‘край, рубеж, граница’ [2, с. 155, 158]), представляется спорным. Учитывая преемственность ирано-славянской языковой традиции на землях, ограниченных бассейном Днепра, их столь же вероятно толковать как результат переосмысления (часто наблюдается в случаях с иноязычными элементами в топонимии) восточноиранского названия в славянском или тюркском употреблении. Не последнюю роль в возникновении известных сегодня вариантов сыграли фонетические процессы славянской речи: форма

Карань легко могла возникнуть из *Корань* посредством регрессивной ассимиляции гласных в соседних слогах ($o - a > a - a$), ср. еще особое указание на поздний возраст фиксации *Карань* сравнительно с остальными [5, с. 70]. Мнимой оказывается и «необъяснимость» на почве русского (правильнее было бы сказать – украинского) языка разновидности гидронима *Курань* (так см.: [2, с. 155]), т. к. славянскому произношению свойственно повышение степени лабиализации [o] (напр., в позиции после *k*), приводящее к его переходу в [u], ср. рус. диал. (перм.) *коку́ра* ‘прическа в виде закрученного и стянутого сзади пучка волос’, ‘узел’ наряду с (перм., арх., костр., олон.) *коко́ра* ‘корень дерева’ < псл. **kokora*; рус. диал. (урал.) *кума́рь* ‘комар’, пол. диал. *kutor* ‘то же’ < **kotarъ*; укр. диал. *кума́н* ‘конь’ наряду с *комо́нь* < **kotońь*; болг. диал. *кулó* ‘колесо’ наряду с *колó* < **kolo* [17 (10: 114–115, 141, 169–170, 177)] и др. случаи. Предположительно, форма *Курань* у названия реки появилась на том отрезке её течения, где бытовали говоры с указанной фонетической чертой.

По-другому об укр. *Карань* см.: [5, с. 70], где предлагается сближение с тюрк. *каран* ‘темный’, ‘темнота’ и альтернативное объяснение от слав. **корь* ‘дерево’. К слову сказать, по причине генетической неоднозначности нельзя исключить сармато-аланскую природу названия *Каранья-Кур*, относимого к тюркским гидронимам-композитам с первым компонентом *каран* ‘темный’ [4, с. 171], т. к. оно может оказаться порчей формы типа сарм.-алан. **karanī* в Крыму (см. выше), осложненной в тюркском обиходе варваризмом *кур*. О возможных судьбах иран. **karana-* в широком ареале тюркской топонимии см. [2, с. 153–158; с упоминанием слав. этимологии из: 5].

Коротко срезюмируем сказанное. Предложенная иранская версия происхождения хорв. *Корана* и др.-рус. *Корана*, *Карана* выгодно отличается от теоретически возможного отнесения их к исконно славянской лексике несколькими контрольно важными аргументами. Во-первых, эти гидронимы имеют реальную опору в иранском апеллативном словаре среди формально идентичных терминов географической номенклатуры, которые хорошо объясняют мотивацию названий рек в разных частях исторической Славии. Во-вторых, характер распространения носителей сармато-аланской речи показывает пути, которыми топонимы с основой **Karan-/Koran-* попали на территории, где их несколько позднее зафиксировала письменная история, и приблизительно очерчивает «очаг» их иррадиации. Это те детали, которые, по нашему мнению, делают иранскую этимологию более предпочтительной сравнительно с остальными бытующими в литературе интерпретациями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берлизов Н. Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. – V в. н. э. / Н. Е. Берлизов. – Краснодар : КГУКИ ; Парабеллум, 2011. – Ч. I. – 320 с. + CD.
2. Валеев Г. К. Из истории южноуральской топонимики и географической терминологии / Г. К. Валеев // Вестник Челябинского университета. Серия 2 : Филология. – Челябинск, 1996. – № 1. – С. 153–162.
3. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Археологической комиссией. – С.-Петербург, 1856. – Т. VII. – 358 с.
4. Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках / [відп. ред. О. С. Стрижак] ; Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР. – К. : Наук. думка, 1981. – 263 с.
5. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / [відп. ред. О. С. Стрижак]. – К. : Наук. думка, 1985. – 256 с.
6. Іліаді О. І. Слов'янські мовні релікти в топонімії Балкан / О. І. Іліаді. – К. ; Кіровоград : КОД, 2008. – 418 с.
7. Клепиков В. М. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы / В. М. Клепиков, А. С. Скрипкин // Донские древности (= Сарматы и Скифия. Сб. науч. трудов III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной памяти Константина Федоровича Смирнова). – Азов, 1997. – Вып. 5. – С. 28–40.
8. Колосовская Ю. К. Паннония в I–III веках / Ю. К. Колосовская. – М. : Наука, 1973. – 256 с.
9. Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянной историко-археологической комиссией АН СССР : Лаврентьевская летопись. – Л. : Изд-во АН СССР, 1926–1927. – Т. I, вып. 1–2.
10. Липовский А. Л. Хорваты (с приложением карты Хорватии, Славонии и Далмации). – С.-Петербург, 1900. – 406 с.
11. Мичатек Л. А. Дифференциальный сербско-русский словарь. Имена географические / Л. А. Мичатек. – С.-Петербург, 1903. – 757 с.
12. Периханян А. Г. Этимологические заметки. I / А. Г. Периханян // Историко-филологический журнал (Ереван). – 1982. – № 1. – С. 55–62.

13. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – Т. VI, вып. 1. – 320 с.
14. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования / О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 2003. – 495 с.
15. Шапошников А. К. Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова / А. К. Шапошников // Топонимика Крыма. 2011: [сб. статей / сост. Ю. А. Беляев]. – Симферополь : Универсум, 2011. – С. 271–444.
16. Расторгуева В. С. Этимологический словарь иранских языков / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. – М. : Вост. литература, 2000–2015. – Т. 1–5.
17. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / [под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева]. – М. : Наука, 1974–2016. – Вып. 1–40.
18. *Dickenmann E.* Studien zur Hydronymie des Save-Systems / E. Dickenmann. – Heidelberg : Carl Winter, 1966. – Bd. I. – 210 S.
19. *Duridanov I.* Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle / I. Duridanov. – Köln ; Wien : Böhlau Verlag, 1975. – 417 S.
20. Imenik mesta. Pregled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji. – Beograd : Izd. «Službenog lista FNRJ», 1956. – 499 s.
21. Leksik prezimena Socijalističke Republike Hrvatske. – Zagreb : Tipograf, 1976. – 722 s.
22. *Szulowska W.* Nazwy wód w Polsce / W. Szulowska, E. Wolnicz-Pawlowska. – Warszawa : PAN DIT, 2001. – Cz. I: Układ alfabetyczny. – 337 s.
23. Wörterbuch der russischen Gewässernamen / [Begr. von M. Vasmer]. – Berlin ; Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1961–1969. – Bd I–V.

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Илиади – доктор філологічних наук, завідувач кафедри методик дошкільного і начального навчання Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка.

Научные интересы: сравнительно-историческая грамматика индоевропейских языков, индоевропейская этимология, история славянских языков, историческая семасиология, лингвистическая типология.

УДК 861.111

УКРАЇНСЬКІ РЕАЛІЇ В ДЗЕРКАЛІ АНГЛІЙСЬКОЇ ЛЕКСИКОГРАФІЇ

Олена ПАНЧЕНКО (Дніпро, Україна)

У статті розглядається проблема побудови словникових дефініцій реалій української мови в англійських словниках. Реаліями є назви властивих лише певним народам предметів національної культури, фактів історії, державних інститутів, імена фольклорних героїв, міфологічних істот тощо. Дослідження виконано на матеріалі низки англійських словників: «Новий англійський словник на історичних принципах», словники Webster's, Longman dictionary, Cambridge Dictionary, Oxford Dictionary. Проаналізовано приклади вдалих та невдалих тлумачень та їх лінгвокультурологічних ілюстрацій. Більшість слів-реалій було подано транскрибуванням, деякі мають дефініцію в двомовних словниках; різні одномовні тлумачні, енциклопедичні словники надають інформацію про ту чи ту реалію з різним ступенем деталізації. Лінгвоукраїнознавчі словники дають змогу не лише зрозуміти основні значення лексем, але й надають усю повноту семантичної структури мовної одиниці, мотивуючи її відомостями з культури та історії народу. Вони містять комплекс інформації про граматичні форми, сполучуваність, образні перенесення, фразеологічні одиниці – увесь національно-культурний фон, без якого неможливе глибоке опанування іноземних мов.

Ключові слова: реалія, словник, словникова стаття, словникова дефініція, переклад, тлумачення.

Елена Панченко. Украинские реалии в зеркале английской лексикографии. В статье рассматривается проблема построения словарных дефиниций реалий украинского языка в англоязычных словарях. Реалиями являются названия присущих лишь определенным народам предметов национальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена фольклорных героев, мифологических существ и тому подобное. Исследование выполнено на материале ряда англоязычных словарей: "Новый английский словарь на исторических принципах", словари Webster's, Longman dictionary, Cambridge Dictionary, Oxford Dictionary. Проанализированы примеры удачных и неудачных толкований и их лингвокультурологических иллюстраций. Большинство слов-реалий были переведены с помощью транскрипции, некоторые имеют дефиницию в двуязычных словарях; разные одноязычные толковые, энциклопедические словари предоставляют информацию о той или той реалии с разной степенью детализации. Лингвоукраиноведческие словари дают возможность не только понять основные значения лексем, но и предоставляют всю полноту семантической структуры языковой единицы, мотивируя ее сведениями из культуры и истории народа. Они содержат комплекс информации о грамматических формах, сочетаемости, образных переносах, фразеологические единицы - весь национально-культурный фон, без которого невозможно глубокое овладение иностранным языком.

Ключевые слова: реалия, словарь, словарная статья, словарная дефиниция, перевод, толкование.